

18+

Михаил Князев

Проклясть,
найденная на чердаке
Рассказы. Ключ Тортилы

Михаил Князев

**Рукопись, найденная на чердаке.
Рассказы. Ключ Тортилы**

«Издательские решения»

Князев М.

Рукопись, найденная на чердаке. Рассказы. Ключ Тортилы /
М. Князев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854234-3

Чего только ни встретишь на просторах Интернета — своеобразного чердака, куда «свалено» и где «пылится» столько всего... Оригинально поданные несколько рассказов и повесть «Ключ Тортилы» очень разные, хотя, по сути, об одном — о любви. «Ключ Тортилы» — это «еще раз про любовь», но на этот раз в необычном ракурсе. Это взгляд вовнутрь, в самую глубину души, на процесс ее «кристаллизации».

ISBN 978-5-44-854234-3

© Князев М.

© Издательские решения

Содержание

Случайная находка	6
Случай в электричке	10
Человек, который всегда возвращался	14
Сослагательное наклонение	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Рукопись, найденная на чердаке

Рассказы. Ключ Тортилы

Михаил Князев

© Михаил Князев, 2023

ISBN 978-5-4485-4234-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Случайная находка

Вспоминается нехитрый, не единожды использованный даже маститыми писателями прошлого прием (у современных я что-то этого не встречал), когда автор публикует как бы не свое произведение, а некоего таинственного незнакомца, чью рукопись он случайно нашел... ну, скажем, разбирая заваленный старой рухлядью чердак на ветхой, доставшейся по наследству от дальней родственницы даче. Или какой-то другой случай подкинул автору рукопись незнакомца – вдруг пришла бандеролью по почте без обратного адреса. Автор из любопытства заглянул в нее и... не смог оторваться, увлеченный описываемыми в ней перипетиями жизни, мыслями, чувствами, переживаниями неведомых ему героев случайно попавшего в руки романа ли, или повести, или рассказа.

И ему (тому автору, которому досталась эта рукопись) показалось, что он обязан опубликовать ее. Кому принадлежит она, неизвестно, а потому придется опубликовать рукопись под своим именем, сделав должную оговорку, чтобы защитить себя не столько от возможных обвинений в плагиате, сколько от уколов собственной совести. Те достоинства рукописи, которые он в ней увидел, побудили поделиться ею с широким кругом читателей, а не забросить эту случайную папку с мелко исписанными листами на полку, где она пылилась бы еще какое-то время, пока чья-нибудь равнодушная рука не выкинула бы ее в корзину для мусора...

Я нашел эти тексты в интернете.

Интернет часто сравнивают с большой помойкой, куда сваливается столько всего! Сеть безучастно хранит эту в большинстве своем ненужную, бесполезную рухлядь, как тот самый чердак на старой, заброшенной даче, где она покрывается пылью и паутиной с застрявшими в ней дохлыми мухами. Так что можно сказать, что я тоже нашел эту «рукопись» на «чердаке».

Как это произошло? Вообще-то это совершенно неважно. Это совсем другая история, но все же вкратце стоит ее изложить, чтобы связать логически для читателя появление одновременно и рассказов, и письма-рецензии к ним, и повести, которые, право же, стоит воспринимать все вместе.

Я, программист с сорокалетним стажем, помню еще те времена, когда мы студентами таскали колоды перфокарт со своими программами на Фортране в Вычислительный центр института, где стояла, мигая лампочками, огромная ЭВМ «Мир-6». Сейчас тот же объем памяти и вычислительной мощности, что содержали эти большущие шкафы, занимавшие целую комнату, легко уместается в маленькой коробочке дешевого мобильного – наглядный результат прогресса в микроэлектронике.

Поколения компьютеров и операционных систем прошли через мои руки (вернее, голову). Первое чудо общения по Сети тоже было у меня на глазах, и я был отнюдь не сторонним наблюдателем, и даже не просто продвинутым пользователем. Я профессионально варился в этом все эти немалые годы.

Сейчас я уже... хм... отошел от дел. В результате в какой-то момент у меня образовался огромный свободный ресурс – время. Его оказалось много, и, видимо, по инерции решил я его тратить на то, чтобы не отставать от быстро меняющихся технологий в огромном программистском мире. Второй необходимый для этого ресурс – мозги – слава богу, пока был на месте и во вполне рабочем состоянии. Но возникла другая проблема – проблема их применения. Куда теперь приложить эти свои знания и умения? Снова пойти в какую-нибудь контору и работать на какого-то «дядю»? Влиться в ряды офисного планктона? Ну уж нет! Тогда чем же заняться?

Интересная сфера деятельности нашлась быстро. Сначала забавы ради научился «взламывать» самые мудреные защиты серверов и баз данных. Оказалось, это увлекательно, и я так «набил руку», что мог утереть нос любому молодому хакеру.

Но! Во-первых, и тогда, и теперь эти свои умения я использую исключительно в бескорыстных целях. А во-вторых, как говорил незабвенный Остап Бендер: «Я чту Уголовный кодекс». Для себя я еще добавил – и моральный тоже. В том смысле, что... чтобы вы не подумали, что в интернете я подсматриваю в «замочные скважины».

Я пользуюсь своими умениями, чтобы беспрепятственно бродить по Сети. Это дает чувство свободы. Это увлекает, как прогулки по закоулкам совершенно незнакомого огромного города. А там так много всего, в том числе и интересного. Гигантский объем информации! Да, мусор, да, груды человеческих и машинных отходов, терабайты и терабайты безликих данных... Но, оказалось, при должном умении среди всего этого хлама можно найти блески «золотого песка».

Эти «блески»... Что это? Это люди. В какой-то момент я понял, что в Сети люди реально живут. Да-да. В этом виртуальном мире люди реальной жизнью. Работают (что очевидно), общаются, развлекаются, дружат, влюбляются и даже (о!) занимаются любовью. *живут*

Но здесь стоп! Я не занимаюсь тем, о чем вы, быть может, подумали. Я ищу художественные формы человеческого общения. Вернее не я, а мой программный робот-поисковик.

То, что он скачал мне откуда-то из недр Сети отрывок частной переписки двух людей десятилетней давности, было совершенной случайностью, следствием какого-то программного сбоя. Я-то лишь задал своему поисковику задачу находить нечто новое и интересное на литературных сайтах, интернет-тусовках и отбирать среди найденного что-то оригинальное по специальным критериям, которые сами по себе являются моим секретным ноу-хау (сейчас бы это назвали методами ИИ – Искусственного Интеллекта), а он, этот мой робот-поисковик, выловил... ну вот то, что выловил.

Пытаясь понять, в чем была программная ошибка, я стал просматривать диалоги, выловленные тексты и... погрузился в мир общения этих двух людей, расцвеченный красками эмоций, остроумия, оригинальностью мыслей и неординарностью суждений.

И мне захотелось поделиться этим с другими. И мне захотелось посмотреть, захватит ли это чтение других, убедиться, что это не просто моё субъективное восприятие.

Нет, это, опять же, вовсе не давняя частная интимная переписка двух людей. Это даже и не переписка вовсе. Я выбрал только несколько текстов, которыми поделился один человек с другим – со своей собеседницей. И письма от нее – ответная реакция на прочитанное ею.

Сначала им, этим неизвестным человеком, были посланы своей собеседнице рассказы. К этому моменту она уже стала для него не просто собеседницей. Из переписки было ясно, что между ними сложились дружеские, доверительные отношения очень близких по духу людей (как я понял, в реальной жизни они никогда не встречались, жили в разных городах далеко друг от друга), и вот в какой-то момент ему захотелось поделиться с нею своими рассказами.

Повесть он решил послать уже после ответного письма своей собеседницы. Именно поэтому в том письме вы не найдете упоминания о ней. Однако именно письмо ободрило его, придало ему уверенности, и он послал ей повесть, которую, видимо, считал основным, самым дорогим и сокровенным текстом.

Изначально рассказов было больше, около десятка, да и писем было несколько, не считая множества коротких сообщений. Но... Увы, жизнь бродяги по интернету рискованна. Некий новый вирус, от которого у меня не было «прививки», начал «пожирать» мои данные и «грохнул» компьютер в самый неподходящий момент. Удалось восстановить вот только то, что представлено здесь, – четыре коротких рассказа, повесть и, к сожалению, только одно первое письмо.

Письмо – это как рецензия к рассказам. Начните с него. И... Знком того, что вас тоже зацепило, будет то, что вы прочитаете рассказы, повесть и... потом, может быть, вернетесь к нему после их прочтения. *а*

Второе письмо – ее впечатления от прочитанной повести, – увы, не безвозвратно утеряно. Так что читателю самому придется составить о ней свое мнение.

И еще... Если вдруг среди читателей окажутся эти двое... Обращаюсь к ним... Прежде всего к мужчине-автору (все-таки в основном это его «рукопись»), но и к его собеседнице тоже.

Надеюсь, вы меня простите за то, что я без вашего согласия опубликовал эти тексты. Меня оправдывает только то, что, во-первых, ваши сетевые «координаты» были безвозвратно утеряны и я не мог обратиться к вам; во-вторых, срок давности, как мне кажется, уже миновал; а в-третьих (и это главное), я не дал сгнить бесследно в пыльной, замусоренной темноте «чердака» несколько очень примечательным, на мой взгляд, текстам. Впрочем, это решать вам, читатель...

Итак, начните с письма.

Письмо

«Милый мой друг, доброе утро!

Я, разумеется, все прочитала. У профессионалов нет оценки: понравилось – не понравилось... толкование на таком уровне само по себе непрофессионально... Но я сделаю исключение из общего правила, поскольку ты литератор по наитию, а не по образованию... (смайлик бы сюда... улыбающийся доброжелательно).

Мне понравилось. Очень. Я с удовольствием еще раз соотнесла текст с фотографией... Да-да... и нательный крестик, проступающий сквозь черную футболку, и очки в тонкой оправе, и умный взгляд прищуренных глаз... они очевидны в этих рассказах... Эти тексты имеют четвертое измерение. Они пахнут, они живые. Пахнут степной полынью и асфальтом, политым дождем, – жаркая смесь испарений природы и душного города.

Чисто литературная, техническая оценка жестче: я спотыкалась об иные метафоры, сердилась на неуместные или недотянутые логические построения, на непрописанность образов героинь, которыми так восхищается герой, на стилевую и лексическую избыточность, на неважную работу со словом... Но... во всем этом есть потрясающее дикарское обаяние своего стиля, пока – бытового, непубличного. Во всем этом есть душа, есть глубокие мысли, и это снимает проблему литературного несовершенства... Тем более, такие вещи пишутся «в стол» или «для потомков»...

И еще. Мне бы хотелось понимания в одном тонком вопросе: если я заметила что-то, что стоило бы поправить, то это не от недостатков текста, а от его достоинств. Значит, есть предмет для обсуждения. Значит, есть править. Намного печальнее было бы, если бы не о чем было говорить. *что*

«Я не профессионал в этой области» – так и слышу твой оправдывающийся голос. И не надо. Дважды не надо. «Титаник» строили профи... А потом... Это написано, действительно, очень неплохо. «Сослагательное наклонение» так и вовсе талантливо. Это лучшее из присланного. Там есть все для того, чтобы из этого сделать... На сленге литераторов – классную работу, за которую не стыдно. Рассказ про человека, который всегда возвращался, тоже неплох по мысли и по форме. И чувство там пульсирует меж строк, и восточная мудрость прорастает, как лебеда на пожарище... Гламурные журналы публикуют рассказы такой тематики, но так безобразно сделанные, что для глянца твоя самостоятельная работа уже шедевр. Для литературы, увы, пока нет, но только оттого, что тексты не отшлифованы и не сконструированы ладно. Возможно, у тебя просто нет навыка правки рукописи, а любая, даже самая вдохновенная работа требует доводки. Это понятно: любое творчество немыслимо без знания ремесла. На этом, позволь, я закрою техническую часть. *вещь*

Читая твое «графоманское», я поймала себя на мысли, что в какой-то момент включилась в написанное как соучастник. Текст зафонтировал ассоциациями, я мысленно кивала или спорила... Вот эта ситуация... день сурка в разных вариациях... и каждый раз возможность нового исхода... и все как будто в наших руках... и все от нас, на самом деле, не зависит...

Вечный калейдоскоп: чуть повернешь – одна картинка, тряхнешь – другая... Так от ствола отходят веточки, и на них распускаются листья и цветы...

Неважно, что одни события мы проживаем, а другие только представляем. Все – и реальное и воображаемое – перед лицом истории человеческой жизни неразлично. Как ты правильно заметил: одно и то же. Представления неосвязаемы, как и пережитое раньше, заархивированное в музее памяти... а радость от иллюзорных чувств, оказывается, бывает ничуть не меньшей, чем от того, чем когда-то реально питалась душа. Я и сама думала об этом сотни раз, и, не поверишь, тоже как-то писала «в стол» почти о том же, что и ты. Только у меня рассказ касался в принципе всех событий жизни, не только вариаций на тему любви. Но и про любовь как-то тоже писала. Могу процитировать кусок письма на эту же тему.

...Но, впрочем, нет, не стоит...

А сны, чем они отличаются от прошлого? Невесомы, бесплотны, и только эмоции, которые, как эхо в горах, держатся долго-долго, долго-долго тревожат после сна... Страшный сон про дезодорант – очень сильная по замыслу штука. Очень российская. Очень понятная всем совкам. Эх, немного бы мастеровитости к этому сну, выровнять, придать четкую форму...

Впрочем, не трогаю техническую сторону... Только о жизни...

...В ней вот что: мне приятно, что мы говорим на одном языке и думаем так, что, кажется, что наши мысли бегут наперегонки, обгоняя друг друга на дистанции. Мне не хочется выговариваться сразу... хочется растянуть удовольствие...»

Вот такое письмо...

А теперь рассказы...

Случай в электричке

Это было где-то в середине девяностых годов. Смутное время... Тогда я как-то вдруг отметил для себя, что люди верующие стали встречаться чаще, чем прежде. Из разговоров с ними, случавшихся время от времени – о том, о сем, о жизни вообще – я выделил для себя одну отличительную черту их мировосприятия: во всех, даже вполне обыденных явлениях окружающего мира они способны видеть некий «промысел божий».

Я же, воспитанный в материалистическом духе советских времен, всегда старался не плодить сущностей больше необходимого, и, если какое-то явление или событие могло быть объяснено естественными причинами – обычными научными законами или действиями других людей – вполне удовлетворялся этим, не пытаясь увидеть за ними какую-то Сверхсилу или какой-то скрытый Высший смысл.

Так уж получилось, что с чем-то необычным, выходящим за рамки моего понимания, с тем, что люди верующие называли бы «чудом», и что могло бы быть хоть в какой-то мере серьезным, жизненным доказательством существования чего-то, стоящего над нашей реальностью, мне в жизни сталкиваться не приходилось. Поэтому в повседневной жизни я отводил Вере довольно незначительную роль, отдавая ей дань скорее как доброй традиции предков. Я

И все-таки... С некоторого времени мне в голову все чаще и чаще стала приходить мысль, что иногда даже за вполне обычными, совсем не чудесными явлениями можно при желании увидеть их метафизическую сторону; что, пожалуй, умение видеть эту сторону явлений может обогатить восприятие окружающего мира, добавив в него новые краски, новые смыслы. Ведь на самом деле, если хорошо подумать, это ж так здорово – видеть, замечать чудесное там, где другие этого не видят, просто не замечают, вполне удовлетворенные нейтральным равнодушием материи.

А вот есть ли за этим вдением что-то объективно существующее, а не только твой собственный субъективный эмоционально-восторженный взгляд – это, видимо, и есть основной вопрос личной веры. И от того, как ты ответишь на него в конкретной ситуации, может зависеть очень многое, и иногда может придать, казалось бы, обычному явлению совершенно особый смысл. И

К этим размышлениям меня подтолкнул один в общем-то незначительный случай, произошедший тогда со мной в электричке. Незначительный? Как я уже говорил, все зависит от того, на него посмотреть. Как

Вообще говоря, я люблю ездить на подмосковной электричке. Это пошло еще со студенческих лет. Институт наш был расположен за кольцевой дорогой, и хочешь не хочешь, а в Москву приходилось выбираться именно на ней, зеленой. А в Москву мы ездили для чего? Если оставить в стороне нашу студенческую практику на старших курсах с ее поездками в базовые институты, то, конечно же, в Москву мы ездили развлекаться. С хорошим настроением, в компании друзей. Видимо, вот это и перенеслось подсознательно комплексом положительных эмоций на электричку.

Но, по правде сказать, что в ней хорошего? Жара и духота летом, холод в нетопленых вагонах зимой, и во все времена года толкотня, жесткие сиденья, вонь и грязь в прокуренных тамбурах. И все-таки... Люди. Мне было интересно наблюдать за людьми в те полчаса-час, что свели нас в одном вагоне. Наблюдать за калейдоскопом лиц, характеров, настроений, эмоций. У каждого свой мир, свои интересы, свои заботы. И эти маленькие, случайно столкнувшиеся миры абсолютно не связаны друг с другом. Они существуют совершенно отдельно друг от друга и от меня, а потому кажется, что я отделен от них невидимой стеклянной перегородкой и со стороны наблюдаю жизнь существ в человеческом аквариуме.

Лишь изредка чей-то взгляд вдруг пересечется с твоим, скользнет, чуть задержится на тебе, и тогда кажется, что принимаешь какое-то очень важное, но непонятное, нерасшифрованное послание из другого мира. Это длится, как правило, всего несколько мгновений. В эти мгновения иногда возникает желание разбить эту невидимую стеклянную стенку аквариума, что стоит между нами... Но мгновения проходят, взгляды отводятся, и скоро попутчица (ну, естественно, попутчица, кто же еще? к тому же симпатичная) сходит на очередной остановке, или меня уносит прочь людским потоком.

Довольно резко, после известных всем событий начала девяностых, поездки на электричке стали, мягко говоря, менее приятны. И дело совсем не в том, что из-за нехватки денег у железной дороги вагоны стали совсем убогими. Люди. Люди стали другими. Глаза стали другими – недобрыми, напряженными, настороженными, как бы ожидающими от жизни и от окружающих очередной пакости. Повышенная концентрация беспричинной неприязни и озлобленности, обращаемых на случайно оказавшихся рядом, отнюдь не повышает удовольствия от временного соседства.

Июль в то лето выдался на редкость дождливым и малосолнечным. Вот и это утро было пасмурным. На исходе ночи прошел сильный ливень, и утренний воздух был прозрачно чист, промытый дождем. Как у Тарковского, помните? «День промыт, как стекло...» Но солнца не было – его скрывали темно-серые облака.

И все же облачность не была безнадежной. В плотном покрывале облаков намечались прорехи. Их еще не было, они лишь угадывались в светлых прожилках между более плотной серостью туч, но в любой момент где-то среди них мог проглянуть кусочек синего неба или прорваться солнечный луч.

Электричка (я ездил на ней на работу в Москву из неблизкого «замкадья») уныло тащилась по Подмосквовью сквозь это серое утро. Общую атмосферу в вагоне я тоже назвал бы пасмурной, но, в отличие от погоды за окном, без признаков улучшения. Вот только определение «пасмурная» здесь, пожалуй, слишком мягкое. Тут гораздо больше подошло бы другое слово – «мерзопакостная», если бы оно не вызывало юмористических ассоциаций с монологами Райкина. Юмором в этом случае и не пахло.

Вагон был плотно набит простым людом, ехавшим в Город по каким-то своим, отнюдь не праздным, безрадостным делам. Злые взгляды и грязные слова то и дело, как жалящие пули, проносились по вагону, когда кто-то – неважно, неловко или бесцеремонно – продирался по забитому людьми и их вещами проходу посередине вагона. Чтобы случайный рикошет не попал в меня, я протиснулся в угол вагона к окну.

Обычно, обосновавшись на каком-то месте, я начинаю с того, что ненавязчиво рассматриваю окружающих, пытаюсь увидеть интересные лица. Но в этот раз не стал этого делать – уж больно было мерзко на душе. Вместо этого, полуобернувшись к окну, принялся смотреть на проплывающие за окном окрестности, чтобы попытаться как-то отвлечься от мрачного восприятия действительности.

Еще одним развлечением в таких поездках, которым я часто занимаю себя, глядя в окно, было высматривание в проносящихся мимо пейзажах мажорных церквей. Их было немало, около десятка или чуть больше, на протяжении часа езды. Одни – близко к железной дороге, другие – чуть в стороне, некоторые – еще дальше. Я давно уже изучил эти церквушки, их внешний вид, у каждой по-своему красивый, их местоположение, и всякий раз встречал их взглядом уже как хороших знакомых, которых приятно видеть.

Одна из них, особенно симпатичная мне, появлялась минут через пятнадцать после того, как электричка отходила от моей платформы. Она была расположена довольно далеко от железной дороги, наверное километра три-четыре через широкую пойму, и появлялась всегда внезапно на высоком дальнем берегу реки, вырываясь из-за вдруг оборвавшегося более близкого лесного массива. Утром в хорошую погоду взаимное расположение солнца, церквушки и меня,

едущего в электричке, таково, что освещенная солнцем церковь с колокольной ярко выделялась своей белизной на темно-зеленом фоне стены леса, начинавшегося прямо за ней.

Вот и в тот раз, повернувшись к окну и глядя на проплывающий мимо пейзаж, я автоматически стал ждать того момента, когда церквушка вынырнет из-за леса. Но было пасмурно. Солнце скрывалось за облаками, и, несмотря на в общем-то хорошую видимость, церкви не было видно – она сливалась с общим фоном... Все же я продолжал напряженно всматриваться в то место где-то между мной и горизонтом, где, как я знал, должна была быть та «моя» колокольная...

Я уже потерял надежду что-либо разглядеть, как вдруг...

Словно кто-то специально проделал в облаках отверстие, и наклонный столб яркого солнечного света, как луч прожектора, упал прямехонько на ту мою церковь, резко, в одно мгновение, высветив ее на окружающем темно-сером фоне. Только что ее не было – и вдруг вот она! Во всей своей красе как бы парит в воздухе над землей!

Картина была настолько ярка, удивительна своей четкостью, красотой и внезапностью явления, что я замер, затаив дыхание. Смотрел и не мог оторваться – хотелось впечатать ее в память. Ведь электричка катилась все дальше, картина за окном медленно уплывала, и видение вот-вот исчезнет... Я знал это и боялся этого...

Чуть погодя, переведя дыхание, я не удержался и перевел взгляд внутрь вагона – было интересно, видит ли эту, прямо сказочную картину кто-нибудь еще.

Вагон был по-прежнему сер и угрюм. Но он как бы притих. Кто-то спал, кто-то уткнулся в книгу, кто-то тупо смотрел в пространство пустыми глазами, жуя жвачку и слушая плеер... И лишь одно лицо, лицо молодой женщины, было обращено к окну и словно устремлено к тому, что она там видела. Я сразу же понял, что она видит то же, что и я. Но удивительное было в другом: как и церквушка в картине за окном, ее лицо тоже было словно освещено каким-то светом, выделяясь чистым образом на сумрачно-сером фоне окружающих людей.

Я переводил взгляд с удивительной картины, медленно плывущей за окном электрички, на удивительную картину в вагоне и обратно и не переставал поражаться их красоте, их какому-то внутреннему единству и взаимосвязанности. Но какая была эта связь? В чем смысл этих двух светлых образов, одновременно возникших и стоящих сейчас передо мной?

Поймите меня правильно – в тех чувствах, что вызывали во мне эти две картины, вовсе не было никакого религиозного восторга. Меня ну уж никак нельзя отнести к истово верующим. То восхищение, которое я испытал, было чисто эстетического свойства – обе картины были просто красивы! Высвеченный солнечным лучом силуэт храма и красивое, освещенное каким-то внутренним светом женское лицо. Вот только... появившееся в глубине сознания смутное чувство, что это не могло быть простой случайностью, словно кто-то специально подстроил все это, привносило в душу какое-то беспокойство...

Удивительная картина за окном не могла длиться долго. Электричка уносила меня все дальше и дальше. Прореха в облаках постепенно затянулась. Церковь с колокольной медленно угасла, слившись с окружающим. Женщина отвела взгляд от окна. Легкий вздох сожаления – мне показалось, мы сделали его одновременно. Чуть заметная спокойная и чистая ее улыбка постепенно угасла, а вместе с ней медленно угас и тот свет, что освещал ее лицо. Вскоре она вышла на какой-то остановке. Больше я никогда ее не видел.

Что это было? Одно только незначительное атмосферное явление, случайно произошедшее в тот момент и в том месте, где я его увидел из окна электрички, плюс мои собственные иллюзии впечатлительной натуры, обративший внимание в тот же самый момент на симпатичное женское личико? Или же это нечто большее, и за этим стоит некая метафизическая сила, пославшая таким образом... Что? Знак? Знак кому? Был ли я просто случайным свидетелем этого, или все это предназначалось именно мне? Или ей, той женщине? Нам обоим, раз уж только мы увидели этот знак? Знак о чем?

Может быть так Судьба хотела дать мне знать о том, что вот он – Храм, что вот она – твоя Женщина. *твой та самая*

Что надо было делать в таком случае? Бросить все и бежать за ней? Глупо – она ведь даже не заметила меня.

Видимо, в таких ситуациях каждый ставит вопросы и выбирает ответы на них сам, и действует (или не действует) в соответствии с ними. Ну, а я... Я остался наедине со своими философскими размышлениями о соотношении физики и метафизики в нашей жизни... Ну и, может быть, о чем-то еще... с легким привкусом печали и горечи.

Человек, который всегда возвращался

Часто можно слышать: «Нельзя возвращаться туда, где ты был счастлив, где тебе было хорошо». Подразумевается, что от бывшего там почти ничего не осталось, и ждет тебя лишь горечь утрат и разочарование. Даже бережно хранимые воспоминания пострадают от того нового и, увы, чужого, что неизбежно появилось в твоё отсутствие и безвозвратно изменило, исказило старое, родное и знакомое.

Какая чепуха! Возвращения необходимы. По крайней мере, для того типа людей, к которым Антон относил себя, своих друзей, всех тех, кого любил и уважал. Наоборот, он не любил тех, кто не хочет или даже боится возвращаться, оглядываться, кто ломится только вперед и вперед. Кому все равно, что он оставил после себя. Не оглядываясь – вперед, сжигая мосты и обрывая ставшие ненужными связи и привязанности, сбрасывая ненужный груз прошлого. Сам же Антон всегда, как бы ни было тяжело, тащил этот груз с собой. И всегда оставлял возможность возвращения. И с радостью при случае пользовался этой возможностью.

Время от времени возвращаться надо. И лучше всего как раз именно туда, где было хорошо. На его, Антона, взгляд это делает жизнь... еще более живой, что ли. Ведь кроме живого настоящего, ты обретаешь живое прошлое. Оно перестает быть мертвым, застывшим слепком памяти, постепенно растворяющимся в туманной дымке по мере удаления по дороге времени. Возвращения (в прямом смысле этого слова) – это новое прикосновение к материальным предметам прошлого. Возвращения обновляют его, делают чуть изменчивым, живым, все время наполняя его новыми эмоциями и переживаниями. Возвращения (в переносном смысле – в мыслях, воспоминаниях) позволяют обдумать прошлое, уложить его в багаж своего опыта и, поднявшись с ним на новую ступеньку, идти дальше.

Настоящее – всего лишь тонкая оболочка нашего прошлого. Если не возвращаться в прошлое, не жить с ним, не вглядываться временами в него внимательно и с любовью, то однажды обнаружишь, что внутри под – может быть и яркой, радужной – оболочкой одна лишь пустота, населенная смутными призраками. Прошлое не прощает предательства и забвения...

Наверное, хорошо тому, кому не нужно возвращаться в силу той простой причины, что они никуда не уезжали. Но ведь дело не в физической перемене мест. Все гораздо глубже. Вся наша жизнь только и состоит из того, что мы кого-то покидаем, от кого-то и куда-то уходим. Антон старался уходить так, чтобы можно было вернуться с легким сердцем. Хотя бы ненадолго, хотя бы просто в гости – просто сказать: «Привет! Давно не виделись. Рад тебя видеть!» И чтобы ему улыбнулись в ответ...

Он любил возвращаться в свой маленький городок. Город своего детства. Город своей юности. Ему было в нем хорошо. И хотя город сильно изменился, хотя в нем осталось не так уж много людей, которые связывали Антона с ним и с его прошлым в нем, все равно он радостно возвращался в свой город. Радостно и, конечно, грустно.

Первое, с чего начинался его город в момент возвращения и что потом постоянно сопровождало Антона, – это его запах. Он давно уже отметил для себя, что у каждого города есть свой, присущий только ему одному запах. Запах своего города он не спутает ни с каким другим. Описать его вряд ли возможно. Это – как некая аура, которая всюду сопровождает тебя, когда ты идешь по его улицам, дышишь его воздухом. В той ауре, может быть, слегка различимы оттенки запахов липы, акации, лебеды, чуть приправленные горечью полыни. Но это лишь оттенки. Основу же составляет что-то другое. Особенно это ощущаешь поздним вечером, когда суетная дневная жизнь успокаивается, и просыпается дух города, волнующий душу и будоражащий воспоминания.

Здесь живет его мать. Здесь на погосте – последнее пристанище его отца. И уже многих тех, кто составлял мир взрослых его детства. Антон старался хотя бы раз в год приезжать

к матери, навещать могилу отца. И каждый год, приезжая сюда, с грустью обнаруживал, что уже нет того-то и того-то, что недавно справили поминки по тому-то и тому-то... Старики уходят... Поколение Антона взрослеет... Хотя подходит ли это слово к ним, к тем, кому уже стукнуло сорок? Куда уж еще взрослее? Старее? Нет, это слово не принимается, отторгается внутренним самоощущением. Особенно здесь – в городе его юности. Здесь Антон ощущал себя по-прежнему молодым еще и потому, что в этом городе по-прежнему живет она...

...Они вместе учились в одном классе. Теперь Антон подозревал, что она была немножко влюблена в него в те давние школьные годы. Он же этого совершенно не замечал. Лишь спустя много лет с удивлением обнаружил, что на большинстве школьных фотографий 10-го «Б» она как бы случайно оказывалась рядом с ним. А тогда... Нет, тогда он не был слеп. Просто тогда он был болен своей первой любовью – тайной, безответной, мучительно-болезненной и абсолютно платонической – к совершенно другой девочке.

А излечила Антона от той болезни именно она. Именно подаренный ею поцелуй, первый поцелуй в его жизни, был как укол спасительной вакцины от той мальчишеской болезни, которой, видимо, должен переболеть каждый будущий мужчина. Это как корь в детстве – ею должен переболеть каждый ребенок, чтобы в нем выработался иммунитет, и тогда следующие «болезни» такого рода будут (а они будут, обязательно будут!) уже не опасны.

Той мальчишеской болезнью, о которой идет речь – а речь идет о первой любви, это именно она должна быть мучительно-сладкой, болезненной, безответной и платонической, – необходимо переболеть еще и потому, чтобы узнать, что такое боль, чтобы понять, что с этими чувствами надо обращаться осторожно и по возможности не причинять боль другим. Они ведь могут поранить, ну вот, как... оружие, может быть, при неосторожном с ним обращении. Именно этот смысл он вкладывал в слова одной из песен его любимых Битлз, услышанных тогда, в далекой юности (в те времена он плохо знал английский, и не понимал, о чем в ней в действительности поется): *happiness is a warm gun* – счастье (читай – любовь) – это огнестрельное оружие.

После школы жизнь раскидала их класс по стране. Антон уехал учиться в столицу, потом работа по распределению после института забросила его еще дальше. Потом опять столица. Короче, снова он увидел ее через без малого двадцать лет в одно из его возвращений. Они оба были уже семейными людьми и в том возрасте, когда некий огонек в глазах у большинства людей уже потух, и его заменили скучнейшие серьезность, озабоченность важными делами и мелкими обыденными заботами. Но в ее взгляде было совсем другое – молодое, не потухшее, этакие искорки задора. Это заставило Антона чуть задержать на ней свой взгляд, а потом и почувствовать... притяжение. Видимо, и она тогда почувствовала что-то похожее.

С тех пор каждый год свой приезд в родной город после радостной встречи с матерью и обмена с ней первыми впечатлениями Антон начинал со звонка ей. Она всегда узнавала его мгновенно, и разговор их начинался так, будто они разговаривали последний раз ну буквально вчера. Вот и в этот раз:

- Привет.
- О, привет! Еще бы чуть-чуть и ты бы меня не застал.
- Ты куда-то убегаешь?
- Уезжаю! В отпуск! На юг! В Сочи! С дочкой!
- А куда же ты дела своего благоверного?
- Не волнуйся за него – он тоже неплохо пристроен на две недели. В командировке.
- И когда же ты уезжаешь?
- Сегодня ночью. В три часа за мной должна прийти машина и – к поезду. У меня сейчас дома все вверх ногами – сборы. Еще Настю надо помыть перед дорогой.
- Постой, постой. Мы, что, с тобой даже не увидимся?

Трубка замолчала. Видимо, до ее сознания, занятого сейчас радостными предотъездными хлопотами, постепенно стало доходить. Голос ее изменился:

– Вот черт! Ты не мог приехать пораньше!?

– Не мог. Я до самого последнего момента не знал, вообще, сумею ли вырваться. А ты же обычно уезжаешь в отпуск позже. Я думал, что как раз тебя застану.

– Да, обычно позже, но в этот раз так сложилось, – она нарочито громко вздохнула в трубку, – значит, не судьба.

– Жаль, жаль. Ну, что ж... Но поболтать-то у тебя немножко времени для меня найдется?

– Найдется. Ты рассказывай, как твои дела, а я буду тут продолжать сборы с трубкой в зубах.

– Нет, начни ты. Что тут у вас новенького?

Она любила поболтать, и следующие двадцать минут он вполуха слушал все городские новости за прошедший после их последней встречи год, воспринимая не столько информацию, сколько ее голос, его тембр, его интонации.

В эти редкие его приезды ему приятно было даже просто быть рядом с ней, и в каждый свой приезд он старался организовать встречи старых школьных друзей, чтобы вместе с ними еще и еще раз ее увидеть. Но этого ему, конечно же, было мало. Его мужское начало рвалось к ней очень настойчиво, ему было недостаточно этих нейтральных встреч, и оно совсем не желало прятаться под маской благочинных встреч однокашников.

Вот и сейчас, слушая в телефонной трубке ее голос, он живо представлял себе ее глаза, улыбку, красивые выющиеся волосы, мягкие линии плеч, соблазнительную волну от груди к талии и ниже – к волнующим бедрам. Это не были неловкие формы той далекой шестнадцатилетней девчонки. Это были формы красивой зрелой женщины, знающей себе цену и осознающей свою привлекательность. Это было то самое живое прошлое, которое, как раз в силу того, что оно живое, шагнуло к нему в настоящее и стало его частичкой. И ему ужасно хотелось физически ощутить его реальность, его «настоящность», дотронувшись до ее волос, почувствовав вкус ее губ, окунувшись женскую нежность ее существа. Увы, зная нравы маленьких провинциальных городков, где злые сплетни рождаются даже из ничего, он вынужден был смирять и прятать свои порывы, чтобы не скомпрометировать ее в глазах местного безжалостного и злого на язык общества.

Надо сказать, что у них обоих семейная жизнь сложилась примерно одинаково. Одинаково неудачно. Бывает так, что сходятся два человека совершенно разных. Сначала они интересны друг другу этой своей разностью, но потом вдруг оказывается, что, кроме этой разности, у них ничего нет общего. Интересы – совсем разные, лежащие в совершенно непересекающихся плоскостях, мироощущения – разные, темпераменты – разные. Люди более резкие и решительные в такой ситуации давно бы разбежались. А они вот нет. Наверное, в основном дети являлись той скрепляющей субстанцией, которая не допускала развала их семей. Хотя, конечно, все обстояло гораздо сложнее и у него, и, видимо, и у нее.

Антон обнаружил у себя некое свойство своей натуры, которое очень часто делало его отношения с женщинами довольно болезненными. Дело в том, что он не мог строить с ними близкие отношения «просто так», на легкой ни к чему не обязывающей безопасной основе. В тонком мире душевных отношений у него быстро отрастали и протягивались к близкой женщине очень чувствительные «нервные волокна». Они позволяли ему острее чувствовать радость общения с женщиной и -чувствовать (в смысле «вместе чувствовать», или даже «чувствовать чувства другого») ей. Но они были очень чувствительны и к чужой боли, поэтому он почти физически не мог причинить малейшую боль близкой женщине, так как она тотчас же отзывалась усиленной болью в нем самом. *co*

В жизни Антона попала одна женщина, которая ловко использовала (хотя, скорее всего, и бессознательно) это свойство его натуры, чтобы крепко привязать его к себе. Она повела себя

так, будто даже самое безобидное его движение вызывало у нее боль. Подергавшись немного, он затих, как бы спеленатый паутиной этих волокон. Когда же он раскусил эту хитрость, было уже поздно. Он смог отсечь (что смог) большую часть из этих «нервных волокон», так что жизнь стала выносимой. Но дети, в которых он души не чаял, заменили те порванные связующие нити и продолжали скреплять его семью. Постепенно Антон устроил свою жизнь так, что она оставляла ему возможность для личной жизни – той, что для себя, для души, а не по обязанности.

Тонкостей ее семейных проблем Антон, конечно, не знал, но ему показалось, что ее положение было очень схожим с его собственным. Тем не менее она очень серьезно относилась к семье и всячески оберегала ее от возможных потрясений. И не только свою семью, но и семью Антона, умело и деликатно пресекая все его «гнусные поползновения», как она в шутку называла его попытки сближения.

Антон тоже подсмеивался над ней и не упускал случая спровоцировать ее на очередной отпор, отпуская шуточки по этому поводу. Она отвечала ему в тон, мол, вам столичным донжуанам только и надо, чтобы поразвлечься с беззащитными провинциальными дамочками – «поматросите и бросите». И они вместе смеялись...

Вот и в этом телефонном разговоре Антон нарочито печальным голосом пожаловался на свою несчастную судьбу, которая не позволила ему увидеть ее в этот раз.

– Твой самый верный поклонник притащился в кои-то веки черт-знает-откуда только для того, чтобы увидеть тебя, а ты, видишь ли, сбегашь от него на юг! Это возмутительно!

– Ну, знаешь, мог бы заранее поинтересоваться и предупредить о своем приезде.

– Вот так всегда! Я же еще и виноват! Ну никакого сочувствия! – нарочно глубоко вздохнул он. После короткой паузы притворно серьезным тоном и одновременно с явной улыбкой в голосе: – Смилуйся, сударыня! До трех часов ночи много времени, можно было бы и увидеться. К тому же, ты знаешь, какое это опасное время? Спать ложиться нельзя – проспишь. А если ты меня пригласишь в гости – ручаюсь, я тебе уснуть не дам, и мы с пользой и удовольствием проведем время.

– Успокойся – не обломится! – тем же шутливым тоном ответила она и продолжила, уже смягчившись: – Мне, правда, очень жаль. Я бы очень хотела тебя увидеть. Но ничего не выйдет – сейчас придет мама, будет до самого отъезда наставлять свою несмышленную дочь. В другой раз. Ладно? Не обижайся...

– Да брось ты – никаких проблем. Счастливого отдохнуть! Через год на том же месте, в тот же час.

...Он проснулся в четвертом часу ночи от вдруг образовавшегося ощущения пустоты внутри. Долго лежал в постели в темноте с открытыми глазами. Город снаружи тоже был каким-то покинутым и опустевшим...

Сослагательное наклонение

Как-то мне в голову пришла странная мысль: наш литературный мейнстрим основан, в большинстве своем, на описании тех или иных происходящих событий... Стоп, стоп, стоп, а как же иначе? Именно происходящие события и составляют видимую сторону жизни, которая во всем многообразии своих проявлений (не только действия, но и мысли, чувства героев и т.п.) и является предметом литературы. (Да простят меня литературоведы за столь краткое определение предмета.) Это так, но я, собственно, предлагаю взглянуть чуть шире.

Попробую объяснить, что, собственно, имеется в виду. Тем более что я свою мысль, еще не закончил.

Обращаю ваше внимание на слово «происходящих» – именно в нем сосредоточено то, о чем я хочу сказать. Конечно, описываемые в том или ином литературном произведении события могут быть выдуманы, или происходили давным-давно в прошлом, или могут произойти в будущем, или могли бы произойти. Объединяет их то, что в контексте произведения они являются частью реальной жизни, реальной в том смысле, что они воплощаются в той действительности, которая присутствует в данном произведении (в некоторых литературных жанрах она может быть даже очень нереальной).

А между тем эта самая наша «реальная жизнь» погружена в безбрежный океан нереализованных возможностей, неосуществленных желаний, невоплощенных замыслов, несделанных дел. В конечном итоге этот океан – бесконечное множество других вариантов жизни каждого из нас и всех вместе, вариантов, которые могли бы БЫТЬ с той или иной долей вероятности, но не случились, не воплотились в реальность по каким-то причинам. А воплотился в действительность только один вариант, и вовсе не обязательно тот, который имел максимальную вероятность, ведь мы-то с вами из собственного опыта знаем, что в нашем мире могут происходить и маловероятные события.

Саму нашу жизнь можно представить как процесс реализации одних возможностей и постепенное отпадение, отмирание других. Вот родился маленький человечек. Здесь, в самом начале себя, он – одна сплошная, огромная возможность ВСЕГО. Он постепенно растет, взрослеет, и вместе с этим от него отпадают целые пласты возможностей. Вот обнаруживается, что он никогда не станет великим музыкантом, вот оказалось, что он никогда не станет большим ученым, вот он обнаружил, что уже никогда не будет бухгалтером, сантехником, летчиком, переводчиком с суахили. Он взрослеет, стареет, и спектр вероятностей его будущего становится все же и же. Как дерево осенью роняет свою листву, так и с человека опадают, кружась в печальном танце, его возможности. Опадают... опадают... опадают до тех пор, пока вдруг не остается только одна-единственная возможность... И вот она воплотилась, и человек перестал быть... у

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.